



УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

## «СЛОВО ДЕЙСТВУЮЩЕЕ» В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Л. А. Ефремычева

Саратовский государственный университет  
E-mail: larisa\_efr@mail.ru

В статье исследуются художественные функции мотивов молвы и славы в сюжете повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», их внутренняя связь с фольклорной традицией. Рассматривается культурологическая природа запорожских Рад и проводятся аналогии с текстом повести.

**Ключевые слова:** Гоголь, мотив, молва, безмолвие, слава, «Тарас Бульба», ратная риторика, Рада.

### The «Acting Word» in N. V. Gogol's Novel Taras Bulba

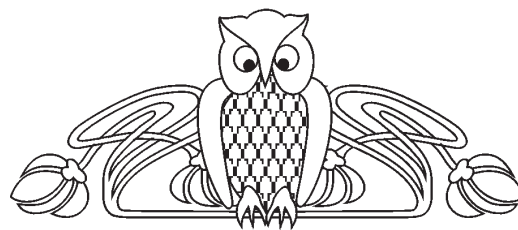
L. A. Efremycheva

The article dwells on the artistic functions of hearsay and fame in the plot of N. V. Gogol's novel Taras Bulba, on their internal link with the folklore tradition. The cultural and historic essence of Zaporozhye Rada is considered; the analogies with the text of the novel are drawn.

**Key words:** Gogol, motif, hearsay, silence, fame, Taras Bulba, war rhetoric, Rada

Мифопоэтическое обаяние и героический фольклор слились в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Образ запорожских казаков, связанных негласными клятвами и товарищескими узами, соткан писателем из воспетых историй прошлого, подкреплен историческими деталями и фольклорными приметами – «фольклорно-утопическими интенциями»<sup>1</sup>, как их обозначает В. Ш. Кривонос. В качестве материала для своих произведений автор «Вечеров на хуторе близ Диканьки» снова использует устные источники, насыщая собранными рассказами воображение и, в дальнейшем, смысловое пространство текстов. На материале думок, песен, преданий, анекдотов вырастает пронизанный героическим духом, усиленный напевными интонациями, издающий неумолкаемое звучание памятник Сечи: славных ратных подвигов, расслабляемых героев и обесславленных имен.

Исследователи подробно изучили письменные и устные источники, которыми пользовался автор «Тараса Бульбы», работая над повестью, и выявили особую природу исторической правды у Гоголя. По мнению В. Ш. Кривоноса, народная память хранит воспоминания о Сечи, в которых персонаж «ассимилируется со своей мифической моделью (герой и т. п.), а событие интегрируется в категорию мифических действий (борьба с чудовищем, братом, ставшим врагом, и т. д.)»<sup>2</sup>. Такому типу передачи знаний присуща принципиальная антиисторичность.



Образ запорожского казачества и самой Сечи вырастает из той славы, которая закрепляется и передается коллективным сознанием. Опора на поддерживаемые *представления* о норме, чести, поведении регулируют жизнь войска. Молва о должном и нужном разносится далеко за пределы Сечи, придавая произносимому мифообразующий характер. Само казачество живет по устным предписаниям: их права письменно не зафиксированы<sup>3</sup>, главные решения выносятся на народном собрании, идеалы закрепляются бродячими певцами.

Обозначенная литературоведами временная рассогласованность в редакциях «Тараса Бульбы» подчеркивает первостепенное значение «народной правды». Распространяемая молвой, она затейливо подменяет точную хронологию нечеткой событийной кривой. Носителями традиций выступают бандуристы, сохраняющие и оберегающие связь старины и настоящего. Такое сплетение времен обнаруживается уже на морфологическом уровне фольклорного наследия. По свидетельству И. И. Срезневского, во многих думах говорится о повествуемых событиях как о недавно прошедших, или даже и настоящих<sup>4</sup>.

Уважение, которое оказывается певцам в различных культурах – баянам, аэдам, вагантам, рапсодам, основано на представлении об их всеведении. Певучие рассказы странствующих старцев – живое свидетельство принятой на веру исторической модели и в то же время залог коллективной правды. В отличие от казаков, устраивающих шумные пиршества, бандуристы издают «тихое треньканье». Оно спасает прошлое от забвения. К характеристике «тихий», «тихо» еще не раз обратится автор «Тараса Бульбы»: так будут обозначены и невыразимая материнская грусть, и властный тон кошевого, и жалостные речи полячки, и напряженное обдумывание или сосредоточенное внимание казаков, собравшихся на совет, и молитва польского священника. «Тихо» объемлет расстроенных воинов уныние, «тихо» накатываются на их глаза слезы. В художественном мире повести негромкое звучание характеризует состояния предопределенности, смиренности, ожидания, внимания. Семантика слова «тихий» при этом обрастает дополнительным смыслом «вдумчиво, со знанием дела».

Грустью пронизано замечание автора о прекращении традиции воспевания подвигов: «Светлица была убрана во вкусе того времени, о



котором живые намеки остались только в песнях, да в народных думах, уже не поющих более на Украине боролатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры»<sup>5</sup>. Однако сама повесть использует образы малороссийских песен, дум и их напевные интонации. Ритмический строй «Тараса Бульбы» перекликается также с мелодикой ратных речей. Такое слияние создает особый звуковой фон повести: степь разносит на огромные расстояния и веселые песни казаков, и слухи, и оценки, и призывы. Сам воздух запорожской вольницы очищает наполняющие его шумы, сглаживая их и соединяя в гармонию. Слово звучит полновесно и убедительно, оно беспрепятственно льется по пространству Сечи, и с такой же свободой им пользуется рассказчик.

### Сила единства

Особое поэтическое, даже патетическое звучание в повести принимают описания массовых сцен. Подвиги и характеры отдельных персонажей формируют обобщенный образ казачества. Гул и движение, которые характеризуют всю жизнь Сечи: быт, поведение жителей, отношение к военным выступлениям и отдыху – накладывают отпечаток и на речевое поведение «гульбых рыцарей». Шум становится атрибутом лихого праздника: «Вся ночь прошла в криках и песнях, славивших подвиги. И взошедший месяц долго еще видел толпы музыкантов, проходивших по улицам, бандуры, турбаны, круглые балалайки и церковных песельников, которые держались на Сечи для пения в церкви и для восхваления запорожских дел» (II, 72). По свидетельству историков, звуковые средства помогали выразить почтение войсковым старшинам: боем в литавры встречают их на Раде, выстрелами из пушки и мелкокого оружия возвещают о смерти почтенных казаков, за отличившимися на поле боя во время гульбы «ходит преогромная музыка и школьники с музыкальной»<sup>6</sup>. Аудиальный фон Сечи наполнен многоголосием, в которое сливаются молва, мелодии, песни бандуристов. Казаки, «страстные охотники до музыки»<sup>7</sup>, заполняют звуками свой локус и в минуты воодушевления или принятия решений сами становятся источником полифонии.

Как и в повестях цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки», в «Тарасе Бульбе» обнаруживается связь балагурства и тёмного времени суток: садясь кругами «вечерять», казаки долго обсуждают свои подвиги. Причём эти разговоры наделяются особым, сакральным смыслом – «на вечный рассказ пришельцам и потомству» (II, 121). Рассказы дают надежду на сохранение сюжетов в веках, а память человеческая кажется залогом бессмертия подвигов и историй. Закрепление отдельных жизненных эпизодов в молве делает её не просто естественной, но желанной, подчеркнута важной.

Выразительно выписанный эмоциональный фон Сечи обнаруживает широту проявлений и

замыслов ее жителей, разгулье, которому они беззаботно предаются, и чуткую готовность реагировать на внешние «раздражители». При этом Гоголь подчеркивает особое свойство запорожской веселости. Переходя во власть разговоров, казаки не теряют сосредоточенного внимания. «Рассказы и болтовня, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лениво отдыхавшей на земле, часто так были смешны и дышали такую силою живого рассказа, что нужно было иметь только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во всё время неподвижное выражение лиц и не моргнуть даже усом <...>» (II, 65). Категории памяти и беспамятства принимают в пространстве Сечи новые свойства. Казак не забывает о сиюминутных заботах, напоминанием об этом служат и подвиги прошлого, и рассказы о прославленных современниках. Болтовня и пересуды, несмотря на свои силу и заразительность, не отвлекают внимания от военных дел, сохраняя представления о долге.

Мотив забвения, получающий символическое значение в сценах отречения Андрия от своего рода, усиливает противоестественность поведения казака. Сечь модифицирует память своих жителей: переступая ее границы, они отдаются во власть новому миропорядку, вытесняющему все, что было. «Жар фанатика» (II, 65), наслышанного о воинской жизни и попавшего под её обаяние, не раз проявится в поведении персонажей повести. С жаром будут выступать казаки на Раде, с воодушевлением поддержит толпа выбранного на совете кошевого Кирдюга, с горячностью предадутся шумному веселью и ратному делу воины. Добровольное беспамятство, сосредоточенность на общем деле и вера в вечную силу славы тем больше подчеркивают маргинальность Андрия, «посмевшегося» забыть законы своего круга.

В художественном мире «Тараса Бульбы» Сечь представлена как объединяющая структура, регламентирующая поведение всех, кто в неё попадает. Она властно и беспрекословно диктует свои, веками признанные, неписанные законы. В. Ш. Кривонос акцентирует зависимость поведения персонажей от пространства, в котором они развиваются: «... в “Тарасе Бульбе” проявляется характерная для мифопоэтической архаики “единство места и человека”», когда человек «... придает ценность месту и определяет его собой в той же мере, в какой это место, “своя” земля, мать-царица “складывает самого человека этого места” <...>»<sup>8</sup>.

Благодаря запорожскому топосу раскрывается особая сила молвы и её способность передавать эмоциональный заряд, побуждать к действию, поднимать героический дух. В. М. Гуминский, отмечая «исполинский размах»<sup>9</sup>, которым поражает повесть, говорит о том, что персонажам было бы тесно в пределах Миргорода или тем более усадьбы Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Герои «Тараса Бульбы» преодолевают огромные



пространства. Масштабность изображаемого подчеркивает повествовательный строй: изменяя точку зрения, автор показывает казачество «в перспективе», помогая услышать его молву как изнутри, в толпе, так и извне, словно возвышаясь над народом. Само устройство Рады – с центром в виде старшин, ораторов и окружением из жителей – дает возможность представить запорожцев объемно. «Всё равно, как нельзя узнать совершенно город, исходивши все его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное место, откуда бы он виден был весь, как на ладони» (VIII, 30), так и понять толпу, услышать ее ропот можно благодаря смене точек зрения и появлению панорамного взгляда.

Такой способ изображения накладывает отпечаток и на воплощение мотива молвы. От уютных посиделок и пересудов в тесном кругу Гоголь переходит к описанию эмоционально окрашенного, раздающегося на огромные расстояния народного обсуждения и провоцирующей публичной речи. Смещение смысловых акцентов доказывает «мощь пространства и времени, не терпящую никаких ограничений»<sup>10</sup>.

Сцена выбора Кукубенка, речь о товариществе Тараса Бульбы включены Гоголем во вторую редакцию повести, что говорит о внимании автора к мотивам молвы и связанным с ними мотивом славы. Включая их в сюжет, он повышает уровень соучастия, которое разделяют как герои «Тараса Бульбы», так и воображаемые читатели.

### Сила собраний

Чтобы понять феномен молвы в повести, нужно остановиться на культурологических особенностях запорожских рад. Подробное описание собраний мы можем найти в «Истории о казаках запорожских», со списком которой Гоголь, по свидетельству ученых, был знаком. Созыв казаков начинался с боя в литавры. Уже начало коллективного обсуждения носило ритуальный характер: старшины вставали посреди народа без шапок и совершали поклон на четыре стороны<sup>11</sup>.

Рады – общие и частные – собирались обычно по вопросам разделения участков, которыми будут владеть войска, и для смены старшин. «И по разделении, все атаманы и прочие старые добрые Казаки разойдутся, а самое глупое простонародье останется»<sup>12</sup>: именно толпа выносит решение по выборам. В случае когда запорожцы захотят сменить кошевого, все старшины складывают свои знаки отличия. И если кого-то казачество решит оставить, то «все закричат, чтобы своего старшинства не скидывал»<sup>13</sup>.

Составитель «Истории о казаках запорожских» отмечает шум, который мог подняться среди собравшихся при избрании нового лица: «...грубое простонародье, многие имеют между собою спорные и грубые разговоры, которого курень и кого выбрать Старшиною; и как сговорятся и положат на том, кто им надобен Кошевой, то и

пойдут человек десять да и более, самых грубых пьяниц в курень тот, где он живет, и будут просить его, дабы он принял на себя такую честь»<sup>14</sup>. При любом ответе выбранный казак принуждался взять на себя новые обязанности.

Для смены старшин были установлены особые дни – 1 января, праздник Покрова Пресвятой Богородицы, Пасха. В другое время Рада устраивалась только по сговору куреней. Пьяниц призывали ударить в литавры для оповещения всего войска о необходимости сбора. В случае несогласия разгорался между казаками спор или завязывалась драка. Другими словами, решающим фактором на собрании становилась способность переговорить или пересилить противников. Молва, таким образом, проявляется как на этапе созыва рады, так и во время выборов.

Совет – попытка прояснить ситуацию и оперативно преодолеть неизвестность. Именно этим автор «Истории Русов, или Малой России» объясняет временное отсутствие собраний: половина Заднепровской Малороссии присоединилась к Польше, а остальная, «пресмыкаясь в хаосе неизвестности о самой себе, должна готовиться к отражению неприятеля и защите семейств своих»<sup>15</sup>.

Запорожское собрание – поэтизированный, рожденный в лоне фольклора и мифопоэтического сознания народа, выразитель молвы. Согласованное слово становится и судом, и законом, и правдой, и руководством к действию. И что бы ни происходило за пределами собрания, решения могут приниматься только в момент общего обсуждения. Молва выносит свой приговор: заглушается голос выбранного на раде старшины криками одобрения<sup>16</sup> или отводится внимание от кандидата ропотом недовольства.

Всенародное собрание регулирует жизнь Сечи. Именно совет становится в тексте повести главным носителем молвы. Царство обычного права сохраняется и держится силами общего согласия, усиливает необходимость слушать других, вставать на чью-то сторону, реагировать на рокот толпы и в итоге принимать решение. Советы наравне с эпизодами массовых танцев, храпа и пиршества<sup>17</sup> подчеркивают сплоченность запорожских казаков. И каждая подобная сцена сопровождается гулом, который наполняет пространство Сечи: «Земля глухо гудела на всю округу, и в воздухе только отдавалось: тра-та-та, тра-та-та»<sup>18</sup>. В случае с собраниями казацкое единство – необходимое условие для принятия решения. Однако поиск взаимного согласия не всегда сопровождается единодушной реакцией толпы. Шум, который поднимается на рада казачеством, описан Гоголем в сцене смены кошевого.

Рада собирается стихийно: достаточно Тарасу Бульбе устроить казакам попойку, как находят инициаторы несвоевременного сбора. Нового кошевого выбирает толпа: эмоциональные возгласы обезличивают говорящих, оставляя только



повисшие в воздухе имена кандидатов. Противостояние собравшихся, бурно реагирующих на услышанные выкрики, придают сцене выбора кошевого фарсовый характер: «„Кукубенка выбрать!“ – кричала часть. „Не хотим Кукубенка!“ кричала другая. „Рано ему, еще молоко не обсохло!“ „Шило пусть будет атаманом!“ – кричали одни. „Шила посадить в кошевые!“ „В спину тебе шило!“ – кричала с бранью толпа. „Что он за козак, когда прокрался, собачий сын, как татарин? К чорту в мешок пьяницу Шила!“» (II, 70)

Из суетливого «говора» рождается попытка выяснить суть обсуждения. Активное включение в речевое событие казаков создает плотный информационный фон. «Миллион козацких шапок высыпали вдруг на площадь. Поднялся говор: „Кто?.. Зачем?.. Из-за какого дела пробили сбор?“» (II, 73). Реплики в толпе обладают подчеркнуто разорванным характером: непроизвольно появляясь, они тонут в потоке пересудов или сливаются в единый возглас. Именно молва направляет движение собрания. Прервать хаотичные речи может только четкое, структурированное выступление. И лишь обладающий силой оратор может «усмирить разгоряченные умы»<sup>19</sup>, «смягчать ласковым словом ропот недовольных»<sup>20</sup>.

Зависимое, опирающееся на чужой, зачастую обезличенный, выкрик, поведение толпы иллюстрирует социальную модель оаций стоя<sup>21</sup>. Согласно этой модели на поведение толпы влияет ряд факторов: личное впечатление, число тех, кто уже совершил рассматриваемое действие, поведение соседей, поведение авторитетных лиц. Совокупность этих обстоятельств объясняет различия в реакциях запорожцев. Массовый шум и хаотичные реплики снимают неловкость единичного высказывания – казаки готовы спорить и множить раздающиеся толки. Зато позже, когда воинам пришлось выбирать, оставаться на своих позициях или спасти Сечь от внезапного набега татар, они боятся прервать молчание: «Никому не хотелось из них заслужить обидную славу» (II, 124).

Поведение толпы сообразно действиям почтенных казаков. Такое наблюдение сделал Н. К. Пиксанов, рассуждая о различиях в повести между старшинами и рядовым казачеством: «На совещании запорожской рады оно [рядовое казачество] стадно переходит из одного настроения в другое. Когда толпа казаков готова растерзать еврея Янкеля, Тарасу Бульбе достаточно взять его под свое покровительство, не удостоив толпу ни словом, и казаки молча уступают»<sup>22</sup>. Поиски единогласного решения выводят на первый план силу уважения и мудрой – то есть убедительной – речи. Выступления самого Тараса Бульбы обладают объединяющей мощью: «Две речи произносит он (Тарас) перед войском, и в обеих слово его “властно” той властью, какую сам Гоголь хотел видеть в своих словах...»<sup>23</sup>.

При обсуждении ратных дел горячность ночных пиршеств, легкость, с которой разливаются

песни бандуристов, бойкое лихачество на выборах кошевого исчезают. Импульсивность казаков, гул толпы сменяются сосредоточенным вниманием к оратору, снискавшему уважение. Молчание приобретает в этом случае характер обдумывания или одобрения. Ритуальная сторона собраний тоже претерпевает изменения. Узнав весть о набегах татар на Сечь, казаки собираются на обсуждение, но шапок уже не снимают: «... потому что пришли не с тем, чтобы слушать по начальству атаманский приказ, но совещаться как равные между собою» (II, 123).

Речи, с которыми выступающий обращается к воинам, могут сравниться с проповедью. О разделении пространства священными свойствами пишет, в частности, В. Ш. Кривонос: «Ретроспективная мифологизация Сечи имеет у Гоголя отчетливо выраженную сакральную окраску»<sup>24</sup>. Акцентируя заботу о будущем, вспоминая самоотверженность предков и выражая веру в узы товарищества, оратор эмоционально воздействует на публику. Каждое слово исполнено важности, каждая фраза чеканно слетает с его уст. Легкость обнаруживается лишь на поле боя: в отношении врага даются спешные однозначные инструкции. «Все думки к нечистому! Берите в зубы люльки, да закурим, да пришпорим коней, да полетим так, чтобы и птица не угналась за нами!» (II, 58), – отдаёт приказы Тарас Бульба.

Призывный характер обращений отражает то, что в пространстве смысла повести «слово» неразрывно связано с «делом». Тщательно продуманное или выкрикнутое в сердцах, оно неизменно доходит до адресата. Стремительное и поражающее, словно пуля, слово заряжено энергией действия. Могущественные призывы становятся главным спусковым механизмом, вдохновляющим персонажей повести на воинские подвиги. Неслучайно речевая характеристика героя может отражать и его ратные успехи: «Два козака выехали вперед из запорожских рядов: один еще совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки <...>» (II, 115).

В доносе Кочубея, приведенном Д. Н. Бантыш-Каменским в «Истории малой России», мы тоже встречаем сопоставление слов и дел. На распространившийся слух о союзе запорожцев с татарами гетман Мазепа отвечает: «... пусть бы, коли они думают, делали сие; а то по пустому оглашают и только дразнят»<sup>25</sup>. Похожее противопоставление находим и в письме Гоголя матери от 2 октября 1833 г.: «Толкуют [люди] о добродетели, о Боге, и между тем, не делают ничего» (X, 283). Разрыв между заявляемым и осуществленным рождает беспокойное чувство несоответствия. Через 15 лет писатель проведет другую параллель, на этот раз рассуждая об истории. В письме к С. Т. Аксакову от 12 июля 1848 г. Гоголь подчеркнет, что в ней «видится такая живая драма на каждой странице, так просторно открывается весь кругозор тогдашних действий и видятся все люди,



и на первом и на втором плане, и действующие и молчащие» (XIV, 79). Это сопоставление раскрывает блокирующее свойство молчания, которое противопоставлено действию.

В «Тарасе Бульбе» слово не расходится с делом, оно его порождает. В художественном мире повести категория «молчание» связана с такими смыслами, как обдумывание и переживание, а «говор» – с принятием решений, выражением реакции.

### Сила славы

Философия жизни запорожского братства сводится к принципу «совместной простейшей жизни»<sup>26</sup>, наполненной как делами, так и разговорами о содеянном, услышанном или готовящемся. Основная тема казацких пересудов – вспомняемое и воспеваемое товарищество, а также примеры безмерной удали. В разговорах рождаются невиданные истории о подвигах, которые будут множиться при каждом пересказе. Толки о знакомых отважных казацких «рыцарях» – возможность воздать им честь, возвеличить словом и почтить память погибших. «И витязи, собравшиеся со всего разгульного мира восточной России, целовались взаимно, и тут понеслись вопросы: „А что Касьян? Что Бородавка? Что Колопер? Что Пидсыток?“ И слышал только в ответ Тарас Бульба, что Бородавка повешен в Толопане, что с Колопера содрали кожу под Кизикирменом, что Пидсыткова голова послана в бочке и отправлена в самый Царьград. Понурил голову старый Бульба и раздумчиво говорил: „Добрые были козаки!“» (II, 64). Мотив узнавания указывает на тесные связи между собратьями по оружию и соотносится с мотивом славления. Переключаясь с хаотичной толпы на ограниченный узлами боевого товарищества круг знакомых, повествователь меняет перспективу изображения Запорожской Сечи. Ее образ складывается из имен почитаемых казаков, различных по приятелям и подкрепляемых слухами.

Порожденное и формирующееся молвой мнение конструирует относительно устойчивое представление о предмете интереса. Образ Сечи, который годами рисует народное воображение, поддерживается славой казацких подвигов. Собственно, ради будущих, предполагаемых заслуг и бросают запорожцы спокойную размеренную жизнь. На Сечь идут «доставать козацкой славы» (II, 47). В часы же веселья, после удачного похода, отличившиеся казаки «кричат объявляя свою храбрость»<sup>27</sup>. Желание пустить о себе славу, увековечить имя и дать огласку содеянному находит объяснение в самом характере малороссиянина: «Храбрость предков – главное наследие его. Она заставляет его забывать негу, ведет к славе. <...> малороссиянин не уронит себя и на кафедре проповедника, и в кругу ученых, везде управляемый врожденным честолюбием»<sup>28</sup>. Отметим, что в повести «Тарас Бульба» оглашение подвигов не

ведется от первого лица. Воинов расславляют либо его товарищи, либо автор-повествователь.

Желание заработать хорошую репутацию обнаруживается еще до того, как появляется повод. **Предвкушение** славы оставляет отпечаток на будущих поступках и создает необходимость соответствовать той модели поведения, которая и приведет к благотворной молве. Тарас Бульба предрекает Остапу и Андрию славу отважных воинов еще до приезда на Сечь: «Теперь он тешил себя *заранее* мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: „Вот посмотрите, каких я молодцов привел к вам!“; как представит их всем старым, закаленным в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке и бражничестве <...>» (II, 48) (курсив наш. – Л. Е.). В пространстве текста представление сыновей как будущих рыцарей включает ожидание поступков, подтверждающих или опровергающих нарисованный образ. Соответствие поведения молодых запорожцев казацкому «своду правил» не остается без внимания Тараса Бульбы: «О! да этот будет со временем добрый полковник! – говорил старый Тарас, – ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что и батька за пояс заткнет!» (II, 85) Собственные ратные подвиги отца и его авторитет среди товарищей укрепляют веру в силу Остапа и Андрия. Убежденность Тараса Бульбы в их благородстве, непоколебимое предвкушение новых подвигов подчеркивают драматический характер предательства Андрия.

Категория будущего времени в повести позволяет не только усилить нарастание конфликта и ускорить художественное время, удерживая читательское внимание, но и акцентировать особенности ратной риторики. Создавая сценарии развития событий, ораторы ссылаются на возможную молву. «Сколько ни живу я на веку, не слышал я, паны братья, чтобы козак покинул где или продал как-нибудь своего товарища» (II, 125), – убеждает растерянных запорожцев Касьян Бовдуг. Речь Мазепы войску, которую приводит Боплан, также заканчивается предостережением, обращенным к чувству долга: «Позаботимся о пользах своих, предупредим опасность. Сего требует от нас потомство. Страшимся его проклятий»<sup>29</sup>.

Со страхом перед посрамлением и с признанием казацкой общности связано аккумулярующее свойство славы. Поэтизированное запорожское товарищество накладывает на его членов ряд негласных обязательств: любая провинность может незамедлительно обесчестить воина, стать грязным пятном на репутации всего братства. «Что будет, когда поляки, как в аду, сожгут наше казачество и сварят себе на похмелье яствы из наших казацких молодецких костей! Что будет, когда наши молодецкие казацкие головы лягут на поле степном, и обагрятся кровью родной, и покроются щепами сабель своих. Как порох на дула пропадет тогда слава казацкая; а не наша ль слава по всему свету дыбом стала, по всему свету степью легла,



по всему свету луговым шумом зашумела, и туркам и татарам дала себя знать и добром и злом, а врагам ляхам отдалась на копье»<sup>30</sup>, – герой казацкой «Думы о Полтора-Кожухе в переходе» Самко Мушкет строит свою речь, обращаясь к категории славы, что помогает одновременно и утрачивать и подбадривать войско.

Подчеркивает значение чести в кругу запорожцев и строгость наказания за проступки. Вслед за историческими документами Гоголь вводит в описание Сечи примеры возмездия за казацкие преступления. Бесчестие, которым отличился недостойный запорожец, «считалось уже поношением всему козачеству» (II, 67). Неслучайно наказание чинилось всем войском: около позорного столба клали дубину, чтобы каждый прохожий мог нанести удар.

Именно бесславию расценивается как унижение, противопоставляется и счастью, и веселью. «Песнь о сожжении Могилева» поэтично описывает победу казаков над поляками: «Верно, беда постигла племя Ляшское! Не столько беда, сколько бесславию: оно блуждает уже по белому свету от двора ко двору. Не так велико бесславию, как велика радость Казаков: злая судьбина чтит Запорожцев и дает знать себя племени Ляшскому»<sup>31</sup>.

Месть за бесчестие оправдывает в представлениях казачества жесткость расправы над иноверцами. Единственный способ восстановить доброе имя – делом подтвердить гуляющую славу и дать повод для нового славления: «<...> отомстить за всё зло и посрамление веры и казацкой славы, набрать добычи с городов, пустить пожар по деревням и хлебам и пустить далеко по всей степи о себе славу» (II, 80).

В запорожском мироустройстве молва, формирующая репутацию, становится лучшим знаком отличия. Именно на ней строится иерархия Сечи. Воинская сила и уважение, закрепленные толками, играют первостепенную роль в поиске правды и общих решений. Недаром появление на собраниях прославленных казаков не остается незамеченным: «А между тем меж народом стали попадаться и степенные, уваженные по заслугам всею Сечью, седые, старые чубы, бывавшие не раз старшинами» (II, 63). О непререкаемом авторитете и его воздействии на круг товарищей можно найти свидетельства и в исторических документах. Так, способность уважаемого воина поднять войску дух отмечена Бантыш-Каменским: «...одно присутствие его достаточно было для воспламенения соотечичей к мужественным подвигам»<sup>32</sup>. Молва одновременно связывает и разъединяет казачество: формирует общее знание, закрепляя репутацию ратников, но и выделяет почитаемых запорожцев из толпы<sup>33</sup>.

Русская пословично-поговорочная традиция, обращаясь к теме славы, зачастую включает в коммуникационную цепочку «добрых людей» – обобщенный образ достойных доверия, непредвзятых, порядочных свидетелей. К ним и

обращаются в надежде на справедливость и честную оценку. Удивление матери Остапа и Андрия, которая ищет опору в «здравом смысле» молвы, переходит в эмоциональный возглас, обращенный всем и каждому: «Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума!» (II, 42). Поиск очевидцев отражает подспудное желание предать событие огласке и получить на него желаемый, однозначный отклик.

Похожее ошеломление выразит позже Андрий, взывающий к народному сознанию: «Не слыхано на свете, не можно, не быть том, – говорил Андрий, – чтобы красивейшая и лучшая из жен понесла такую горькую часть, когда она рождена на то, чтобы пред ней, как пред святыней, преклонилось всё, что ни есть лучшего на свете» (II, 106). Парадоксально, что уже в речах казак выражает решимость на *неслыханное* для своего круга дело. Этой же категорией руководствуются старшины, вдохновляя на героические поступки. В речи гетмана Ивасенько Серпяга из казацкой думы грозно и неумолимо звучит предостерегающее «никогда»: «Никогда не было ни слухом слышно, ни видом видано, чтобы такая злая буря нападала на козаков с такою силою, чтобы гремела таким громом и блестела такой молнией, и чтобы вы, Паны, Козаки товарищи, так долго стояли, ожидая тихой погоды у моря Дуная»<sup>34</sup>. Отсутствие молвы о прецеденте обладает властной убеждающей силой, помогая говорящему заострить внимание на теме.

### Сила молвы

Пространство говора, Сечь превращает молву в источник, формирующий языковую картину. Толки заранее накаляют противостояние запорожцев и поляков, создавая особую – речевую – проекцию их мира. Слава запускает поражающее противника действие еще до самих военных выступлений: «Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооруженною рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закаленной вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска <...>» (II, 82). Заблаговременные решения на основе воображаемого образа врага снова вводят в хронотоп повести категорию будущего времени: летучие вести о наступлении и распускаемые молвой представления о противнике помогают предупредить неудачный исход кампании.

Проводниками слухов и толков становятся лазутчики и рассыльные. Своими рассказами и «выведыванием» они создают первую информационную модель события, настраивают на дальнейшее восприятие врага. Именно посыльным доверяли важные словесные поручения. О необходимости «не верить лишним словам людским, а для полного узнания о сражении Нарвском прислать в Москву человека разумного и надеж-



ного»<sup>35</sup> писал и министр Головин в обращении к Мазепе. В повести «Тарас Бульба» информация не перепроверяется. Напротив, казаки ищут повод для военного похода, в чем уже проявляется их беспокойный, дерзновенный характер.

Информирующая функция молвы в условиях шаткого мира и смещенных границ превращает неосведомленность в уязвимость. Изумленное и даже кичливое «разве вы не слыхали» прежде самой вести повышает ее привлекательность в глазах собеседника. Рассказ о событиях на Гетманщине оттягивается при сказками, достигающими гиперболических масштабов: «Э! что? Видно, вам татарин заткнул клейтухом уши, что вы ничего не слышали», «А то делается, что и родились и крестились, еще не видали такого» (II, 76). Доносимые слухи вызывают мгновенную реакцию и рождают ответные действия. Так, весть о набегах татар, пришедшая из Сечи, меняет течение сюжета: влечет за собой новое обсуждение и вносит существенные изменения в планы казаков.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь рисует противостояние двух массовых сил, которые объединены информационной волной: громогласно звучит писательское «всё», подчеркивающее размах эпического полотна: «Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронесли слухи: „Запорожцы!.. показали запорожцы!..“ Всё, что могло спастись, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век <...>» (II, 82).

Обладая способностью молниеносно разноситься и покрывать большие расстояния, слухи становятся неустойчивым звеном, обеспечивающим коммуникацию между народами. При этом молва закрепляет в коллективном сознании образ иноверцев и таит в себе однозначную эмоциональную реакцию на них. Рассказы испокон веков диктуют отношение к «чужим» и «другим». Сформированная слава окрашивает слухи эмоцией страха<sup>36</sup>.

Молва в повести Гоголя не встречает на своем пути препятствий. Слово, всеобъемлющее, всепроникающее и всех затрагивающее, наравне с оружием пугает или вдохновляет на подвиги.

«Тарас Бульба» – повесть, в которой сила речей, воинских, любовных, семейных, выливается в действия и конструирует реальность. Сечь – пространство потенциальных поводов для молвы, источник будущих рассказов. Привлекательность доброй славы и вера в авторитет товарищеской оценки создают почву для новых ратных подвигов, укрепляя тем самым годами сложившуюся норму. Представления о поведении настоящего казака поддерживаются страхом перед всенародным осмеянием.

«Панегирик славе»<sup>37</sup> поется Гоголем, собиравшим малороссийский фольклор: в народном творчестве мы находим отражение того лиризма, которым пропитана повесть. В нем же заложено почтение к «летучим словам», способным

перерождаться в дела или превращаться в устный памятник Сечи. Запорожские песни, живое звучание которых ложится в основу произведения и о которых не раз вспоминает повествователь, становятся одним из главных способов расслабления. Обаяние народных напевов постулируется, в частности, И. Срезневским: «И кто может слушать без соучастия эти песни и думы, в которых старина Запорожская отразилась такими верными, живописными очерками, – старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической!»<sup>38</sup>. Автор «Тараса Бульбы» вовлекает читателя в события запорожской истории на стилистическом и сюжетном уровнях.

Опираясь прежде всего на созданное молвой представление о запорожском казачестве, Гоголь активно вводит в сюжет повести мотивы молвы. Степное пространство соединяет в себе различные её проявления: вызывают к товарищам казацкие старшины и «мудрецы», толкуют и ропщут в толпе, поют о былом, предупреждают о набегах, вызывают к разуму.

Мотивы молвы помогают в создании объемного пространства. Мелодично разлетающееся слово легко преодолевает расстояния, разносится по степи и объединяет все казачество. Запорожское пространство не создает помехи, в отличие от петербургского топоса, в котором весть обрастает дополнительным информационным шумом, а версии множатся за счет разобщенных передатчиков, временного и географического несогласования. Слухи в «Тарасе Бульбе» не несут в себе сомнений: принимаются на веру и берутся на вооружение, превращаясь в ответные действия.

Молва, как и безмолвие, связаны с характеристиками «силы» и «дела». Тишина может скрывать мощь негодования, шум – неистовую веселость. Казаки встречают весть эмоционально и сосредоточенно: их поведение на советах дополняет коллективный портрет запорожцев.

Сцена выбора Кукубенка, речь о товариществе Тараса Бульбы включены Гоголем во вторую редакцию повести, что говорит о внимании автора к мотивам молвы и связанным с ними мотивом славы. Включая их в сюжет, автор повышает уровень соучастия, которое разделяют как герои «Тараса Бульбы», так и читатели.

Точка зрения повествователя усиливает поэтическое звучание сцен собраний, подчеркивает напряжение, царящее среди казаков, и их готовность перейти к действиям. «В экстазе массового действия происходит свободное слияние еще недифференцированных индивидуальных волей и мироощущений, по отношению к которым, скажем, сознание повествователя в финале “Сорочинской ярмарки” (“скудно оставленному”) представляет собою уже другую ступень»<sup>39</sup>, – пишет Ю. В. Манн. Рассказчик в «Тарасе Бульбе» с предельной внимательностью передает аудиальный фон ратных собраний, сливаясь в сознании с казацким кругом и передавая их ми-



рочувствование. Поведение толпы подчеркивает живую реакцию на происходящее, приковывает внимание читателя, увлеченного ходом советов, реагирующего на столкновение мнений. В сценах собраний раскрываются характерные запорожские качества – беспокойство и увлеченность.

Суматошные пересуды и толки повестей из цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» перерождаются в повести «Тарас Бульба», превращаясь в ратные прокламации, веселые рассказы или чеканные призывы. Остается место и молчаливому сосредоточению: буйная веселость отступает перед необходимостью обдумать планы.

Ратная риторика превращает слово в символ и умножает его сакрализацию. Сечь, не имеющая постоянных границ, обретает временный центр, обозначенный фигурой оратора. Совет – средоточие всех жителей, очаг общего внимания – выдвигает на первый план аудиальный тип восприятия. Его пространство соткано из разнородных звуков: стройных речей оратора, беспорядочного гула толпы, громогласных выкриков отдельных казаков или предваряющего их безмолвного ожидания. Пересуды мгновенно разносятся по цепочке, объединяя собравшихся и рождая ответную реакцию на услышанное. Здесь и сейчас синтезируется общее знание, вершится казачий суд<sup>40</sup>. Еще до боя обозначая расстановку сил, молва мгновенно запечатлевает в народной памяти новые подвиги и дает отличившимся надежду на бессмертие. Ратная речь несет в себе прежде всего аргументирующую и эмоциональную функции.

Овеянная славой, Сечь ее порождает и ею же живет: «Потом сели кругами все курени вечерять и долго говорили о делах и подвигах, доставшихся в удел каждому, на вечный рассказ прищельцам и потомству» (II, 121). Сказанное во всеуслышание мгновенно подхватывается, разносится и вызывает реакцию.

Казаки берегут память отличившихся воинов, не ставя под сомнение свои обычаи и веками установленные правила. «Не лиц и события представляет из истории Малороссии Гоголь, а воспитывает казацкую славу <...>»<sup>41</sup>, – отмечает И. М. Каманин. В повести «Тарас Бульба» молва обретает способность достраивать или изменять запорожскую картину мира. Толки приобретают символическое значение, обладая силой обернуть действие или представления. Молва предшествует военным действиям и в то же время знаменует принятие решений. Пересуды изменяют ход собрания, пение бандуристов обращает прошлое в настоящее, а современность увековечивает новые подвиги.

## Примечания

<sup>1</sup> Кривонос В. Повести Гоголя : пространство смысла. Самара, 2006. С. 106.  
<sup>2</sup> Там же. С. 113.

- <sup>3</sup> Даже права запорожцев передавались лишь на словах и не были закреплены письменно (См.: *Мышецкий С.* История о казаках запорожских. Одесса, 1852).
- <sup>4</sup> См.: *Срезневский И.* Запорожская старина : сб. Харьков, 1833–1938. Ч. I. 1933. Кн. 1. С. 15.
- <sup>5</sup> *Гоголь Н.* Вечера на хуторе близ Диканьки // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. Т. 2. М., 1937. С. 43. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в скобках тома римскими и страниц арабскими цифрами.
- <sup>6</sup> *Мышецкий С.* Указ. соч. С. 54. Примеч. авт.: здесь и в дальнейшем орфография и пунктуация первоисточника изменена автором в соответствии с современными нормами.
- <sup>7</sup> *Бантыш-Каменский Д.* История Малой России : в 4 ч. М., 1830. Ч. III. С. 213. Примеч. авт.: здесь и в дальнейшем орфография и пунктуация первоисточника изменена автором в соответствии с современными нормами.
- <sup>8</sup> *Кривонос В.* Указ. соч. С. 105.
- <sup>9</sup> *Гуминский В.* «Тарас Бульба» в «Миргороде» и «Арабесках» // Гоголь : история и современность. М., 1985. С. 240.
- <sup>10</sup> Там же. С. 245.
- <sup>11</sup> *Мышецкий С.* Указ. соч. С. 37.
- <sup>12</sup> Там же.
- <sup>13</sup> Там же. С. 38.
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> *Кониский Г.* История Русов или Малой России. М., 1846. С. 157.
- <sup>16</sup> Подтверждением могут служить и исторические документы. В частности, о всеобщем ликовании и присяге при успешном выборе гетмана пишет Г. Боплан в «Описании Украины» (1651).
- <sup>17</sup> См.: *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988.
- <sup>18</sup> Выражение гула на фонетическом уровне перекликается со звукоподражанием в повести «Пропавшая грамота» цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки».
- <sup>19</sup> *Бантыш-Каменский Д.* Указ. соч. С. 90.
- <sup>20</sup> Там же. С. 154.
- <sup>21</sup> *Scott E. Page, Model Thinking* [Дистанционный курс лекций] // [www.coursera.org](http://www.coursera.org) (дата обращения: 06.11.2013).
- <sup>22</sup> *Пиксанов Н.* Украинские повести Гоголя // Пиксанов Н. О классиках : сб. ст. М., 1993. С. 105.
- <sup>23</sup> *Гиттис В.* Гоголь. Л., 1924. С. 133.
- <sup>24</sup> *Кривонос В.* Указ. соч. С. 105.
- <sup>25</sup> *Бантыш-Каменский Д.* Указ. соч. С. 74.
- <sup>26</sup> *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М., 1988. С. 136.
- <sup>27</sup> *Мышецкий С.* Указ. соч. С. 54.
- <sup>28</sup> *Бантыш-Каменский Д.* Указ. соч. С. 213.
- <sup>29</sup> Там же. С. 101.
- <sup>30</sup> *Срезневский И.* Указ. соч. Ч. I. Кн. 3. С. 148.
- <sup>31</sup> Там же. С. 81.
- <sup>32</sup> *Бантыш-Каменский Д.* Указ. соч. С. 127.
- <sup>33</sup> О важности различия рядовых казаков и казачьих старшин в «Тарасе Бульбе» подробно пишет Н. К. Пиксанов (См.: *Пиксанов Н.* О классиках : сб. ст.



М., 1993).

<sup>34</sup> Срезневский И. Указ. соч. Ч. I. Кн. 2. С. 126.

<sup>35</sup> Бантыш-Каменский Д. Указ. соч. С. 31.

<sup>36</sup> О связи «слухов» и «страха» в комедии Гоголя «Ревизор» пишет М. J. Sokol. По мнению исследователя, именно страх становится главной движущей силой к распространению слухов (См.: Sokol M. J. Rumor and gossip in 19th century Russian literature. Brown University, 2007).

<sup>37</sup> Гиппиус В. Указ. соч. С. 76.

<sup>38</sup> Срезневский И. Указ. соч. Ч. I. Кн. 1. С. 10.

<sup>39</sup> Манн Ю. Указ. соч. С. 15.

<sup>40</sup> По свидетельству Д. Н. Бантыш-Каменского, именно словесно сотником разбирались земские и маловажные уголовные дела между казаками.

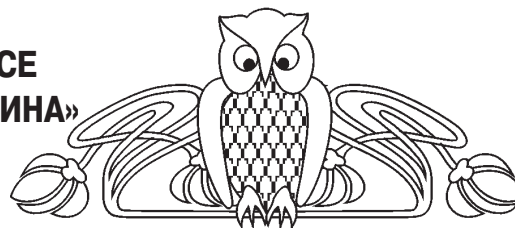
<sup>41</sup> Каманин И. Научные и литературные произведения Н. В. Гоголя по истории Малороссии. Киев, 1902. С. 34.

УДК 821.161.1.09-2+792.2(470)+929 Сухово-Кобылин

## О ТРАДИЦИЯХ НАРОДНОЙ КОМЕДИИ В ПЬЕСЕ А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА «СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА»

К. М. Захаров

Саратовский государственный университет  
E-mail: zahodite@list.ru



Статья исследует связи пьесы-шутки А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» с эстетикой народного театра. Проводятся параллели между пьесой Сухово-Кобылина и традиционным «петрушечным представлением», оценивается стилизационное мастерство драматурга и функции этих стилизаций.

**Ключевые слова:** русская драматургия, стилизация, А. В. Сухово-Кобылин, народный театр.

### On the Traditions of Folklore Comedy Theatre in Sukhovo-Kobylin's Comedy *Tarelin's Death*

К. М. Zakharov

The article analyzes the connection between A. V. Sukhovo-Kobylin's comedy *Tarelin's Death* and the aesthetics of street theater. The author draws parallels between Sukhovo-Kobylin's play and the Russian traditional puppet show and gives his evaluation of the playwright's pastiche techniques and the functions of these pastiches.

**Key words:** Russian drama, pastiche, A. V. Sukhovo-Kobylin, folk theater.

Объектом нашего внимания стала «комедия-шутка» А. В. Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» (1869) – завершающая часть трилогии, начатой феноменально успешной комедией «Свадьба Кречинского» и продолженной остро-сатирической (и потому долгое время запрещенной) драмой «Дело». В центре действия «Смерти Тарелкина» оказываются персонажи, выведенные ранее в предыдущих частях трилогии; кроме того, начало комедии-шутки напрямую связано с финалом «Дела».

Анализировать это произведение непросто – оно изображает типичные характеры в условных обстоятельствах. Элементы высокой литературной комедии оказываются здесь неразрывно слитыми со стихией народного театра. Балаганная грубость не всегда уравнивается тщательно продуманными и выстроенными образами и претендует на доминирование. «Карнавальная»,

фарсовая стихия уже неоднократно заявлялась в пьесах сухово-кобылинской трилогии. Например, в «Деле» раскрываются физиологические причины служебного настроения Князя, а главный делопроизводитель Варравин переживает комическое погребение, будучи в прямом смысле завален с головой «самонужнейшими» документами. Но в «Деле» балаганные фрагменты уравнивались резонерскими речами и выстраданными монологами положительных героев. А в «Смерти Тарелкина» «книжные» персонажи отсутствуют. Все действующие лица носят фантазмагорический, гротесковый, карикатурный оттенок.

В этом условном контексте хорошо выписанные и знакомые зрителю по «Делу», очень реальные и узнаваемые Варравин и Тарелкин могли бы выглядеть несколько инородно. Для того чтобы они органично смотрелись в карнавальном мире, автор наделил их собственными альтер-эго в виде Полутатарина и Копылова. «Переодевание и есть первородность любого театра, самая сущность лицедейства, даже его сугубая концентрация, сцена на сцене, актерство в актерстве, игра в игре»<sup>1</sup>.

Поэтому в третьей пьесе «Тарелкин превращается в Копылова, а Варравин – в Полутатарина. Это идет от театра марионеток, от уличных зрелищ, от ярмарочного спектакля»<sup>2</sup>, – писал Л. Гроссман.

Завязка «Смерти Тарелкина» базируется на традиционном для европейской комедии желании хитреца-героя (чаще всего – слуги), найдяшего до начала действия на периферии внимания, перехитрить самоуверенного и не мешающего остальным «хозяина жизни» (чаще всего – собственного патрона). Известно об огромном влиянии на творчество Сухово-Кобылина французских комедиографов, поэтому очевидно близкое знакомство его с лучшими пьесами Мольера и Бомарше. Изыскивая неординарные средства